

В следующий раз нечто подобное я испытал в ТАССе. Работал там уже немало – два или три года. Надо сказать, что это хорошая школа для журналиста, вокруг разумные, глубокие люди. Но все мы занимались журналистикой, которая была далека от наших искренних убеждений. Мы делали партийно-правительско-профсоюзную журналистику. Каково мне, битломану, анархисту в душе, писать «на аэродроме встречали»? И главное, считать строки, не ошибиться! Кандидату в члены Политбюро отводилось тринадцать строк, просто секретарю ЦК КПСС – десять, а члену Политбюро – пятнадцать!

Вот тогда в какой-то момент мне опять показалось, что жизнь моя кончена и что так будет всегда. Но, к счастью, это тоже прошло, потому что в моей жизни появился человек мудрее и старше меня, который заявил: «Знаешь что? Никто и ничто не может мешать мужчине делать то, что он хочет. Как и заставить его сделать то, что ему неприятно». Это нехитрая формула, но за ней столько испытаний!

И я умотал на телевидение. А в тридцать у меня не случилось кризиса среднего возраста, потому что как раз тогда на меня свалились слава и деньги. Я был к тому времени режиссером, мы с Андреем Столяровым делали единственную на тот момент авангардную передачу на теле-

– Какие из тех знаменитых людей, с кем вы общаетесь, вам неприятны?

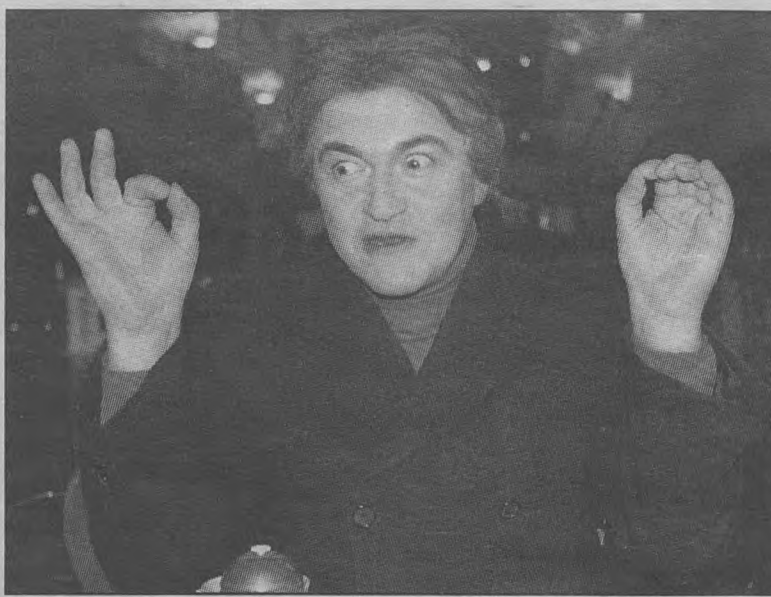
– А я с такими и не общаюсь, к счастью. Сегодня я такое могу себе позволить. В 1993 году, когда я только начинал, я разбирался в кадре с мировоззрением людей, которых приглашал. Теперь сил нет.

– Кто такой Дмитрий Дибров?

– Хороший вопрос. Не знаю.

– Вы – кумир?

– Для некоторых людей да. Мне, например, страшно ценно признание одного достойного человека – он доктор в высочайшей медицинской организации. Как-то мы с ним встретились у одного олигарха, и он сказал: «Большое тебе спасибо. До того, как ты появился, мы, ростовчане, говорили, что мы из Ростова, но не был этот город чем-то примечательным. А благодаря тому, что десять лет ты постоянно со- вываешь везде то казачество, то Ростов, мы уже можем гордиться собой». Потом, ко мне подходят люди из провинции, благодарят за то, что своим примером я показываю, как можно всего добиться в жизни. А мне все хочется надеяться, что где-то в Ростове-на-Дону есть десяти- летний пацан, который, как я, смотрит телик и делает жизнь с меня. Как я в свое время делал ее с Джона Леннона. Я не имел возможности видеть его, зато мог слышать.

«Есть люди мегаломаны – занимаются чем-нибудь одним и крупным – и шизофреники – много мелкого, все-все-все. Леонардо да Винчи типичный пример шизофреника в деятельности. А академик Павлов, наоборот, мегаломан. Я скорее шизофреник. Сейчас у меня любимое занятие музыка, через секунду – секс, еще через секунду – телевидение»

говорить правду, даже нарушая законы приличий. Другое дело, не стоит совсем уж оскорблять. Нелояльно, к примеру, споря с хромающим человеком, говорить «Ваша аргументация хро- мает». Есть же еще такая вещь: когда ведущий циничен, зритель не отключится от телевизора. Ге- ниальный телевизионный про- дюсер Саша Левин, бывший генпродюсер НТВ, как-то раз сказал: «Знаешь, если бы я ис- кал сейчас ведущего, неважно на какую программу, я бы не вы- бирая его среди актеров или за- писных говорюнов, я бы нашел его среди врачей – они чрезвы- чайно циничны».

– Что самое наивное сде- лал циник Дибров в своей жизни?

– Телевидение. Был у меня эпизод: я работал креативным продюсером утреннего канала на ОРТ и по пятницам вел про- грамму. Это было прекрасное время, всего было достаточно. Я поехал в Оптину пустынь, и там мне был дан зов. Вернулся в Москву и там обнаружил гене- рального продюсера самого затхлого на то время децимет- рового канала под названием «Телеэкспо». Там был «Магазин на диване» и чего-то еще. Я ему и говорю: «Знаешь что? Давай я у тебя поведу ночной эфир?» – «Давай» – «Да, но каждую ночь» – «Давай» – «Да, но несколько ча- сов» – «Давай-давай. А сколько тебе денег надо?» – «А нисколь- ко». Нашли мне студию метров двадцать площади. Я пошел к Косте Эрнсту, сообщил, что хочу сделать идиотский кульбит, с точки зрения здравого рассудка непредставимый. Он сказал, что на двух каналах работать нельзя, и я выбрал пятый. Моя програм- ма была названа «Антрополо- гия». Что было с ней дальше, вы, кажется, знаете. А ведь в основе был наивный поступок, Гаврош просто. Когда я появился в этой студии, доставшейся еще в на- следство от Олимпиады-80, там стояли камеры со времен Брежнева. Они не балансиро- вались между собой – это значит, что одна камера показывала мою физиономию малиновой, а вторая желтой. И бороться с этим было невозможно. Не было вообще никаких декораций. «И не надо, – сказал я. – Оставьте белый задник. Отключите цвет вовсе». – «Как отключить? В век цветного ТВ!?!». «Давай руби», – решительно сказал я. А чтобы не поняли, что это от безысходно- сти, мы поставили красное пятно в угол – типа, вообще-то мы мо- гли бы и цветом, просто так надо. Так родилась эстетика «Антро- пологии», которая кем-то могла быть расценена как новое слово в дизайне, и только я знал (сме- ется), от какой безысходки она появилась. Потом уже на НТВ с восхитительной машинерией мы экспериментировали, добавля- ли цвета. А вначале была та са- мая романтика, наив.

– Мы еще можем в буду- щем ожидать от Дмитрия Диброва очередного кульби- та?

– А все может быть. Знаете, мне папа рассказывал в детстве пословицу, я не знал, что это про меня. Вот как она звучит: «В двадцать лет ума нет, и не будет. В тридцать лет денег нет, и не будет. В сорок лет жены нет, и не будет». Папа умер, он так и не узнал, что его сыну гарантиро- ваны все три позиции. У меня нет ни денег, ни жены, ни, как я вижу, ума (смеется).

Встречалась
Ника ДРАБКИНА

**«Глупо пытаться добиться
славы, пока еще жив Пол
Маккартни, глупо пытаться
заработать денег, пока еще жив
Билл Гейтс. Глупо сниматься
в кино, не будучи актером»**

видении – «Монтаж». Получали премии на международных фести- валах. В то время мне и в голо- ву не могло прийти ощущать ка- кой-либо кризис, потому что впервые в моей жизни что-то стало для меня важнее, чем я сам, – те образы, что мы лепили на экране, наши монтажные по- делки. До того абсолютно все для меня было служением како- му-то богу карьеры. А здесь нуж- но было сделать передачу, уло- житься, написать сценарий, снять, смонтировать, пробить в эфир, пробив, как-то остаться, потому что нас же выгоняли по- сле каждого эфира!

– Как вам дается конкурен- ция с Гордоном?

– Немножко не понимаю, о чем вы. Помилуйте, помимо Гордона, ночные эфиры идут еще на деся- ти каналах отечественного теле- видения, так что я даже и не ду- маю ни о какой конкуренции.

– Ладно. Тогда как отно- ситесь к Максиму Галкину, уна- следовавшему вашего «Милли- онера»? По-отечески или как к сопернику?

– Что вы, я, к сожалению, не умею так блистательно держать зал, так пародировать кого-ни- будь, как Макс. По-отечески... Ну, знаете, кто я, чтобы распро- странять отеческие чувства на всех талантливых людей? Мне хотелось помочь Максиму в этой сложнейшей ситуации. Он ведь меня не подсидел, это я по доб- рой воле отказался идти на «Первый». Я хотел поделиться с ним наработками, но мы с про- дюсером программы решили, что это поставит Макса в неу- добное положение. А вообще я восхищаюсь тем, что сделал Максим.

– Поклонницы вытворяли что-нибудь невообразимое?

– Невообразимое, к нес- частью, нет (смеется).

– Не надоедает быть попу- лярным?

– Не. Это не может надоесть. Помню, когда я вел «О, счастли- вчик!», эта программа была попу- лярна с попсовой точки зрения. И я сразу уже видел, кто ко мне подходит по поводу «Антропо- логии», а кто по поводу «Счастли- вчика». В «Счастливице» человек идет, аж весь светится (изобра- жая лукавую улыбку): «А, я не ошибаюсь? Отлично работае- те!», бывает, хлопают по плечу: «Молодец, Дибров», бывает «Я на все вопросы могу ответить, на все – пожалуйста». «Антропо- логия» – идет человек серьез- ный, чуть наклонив голову, про- тягивает руку: «Спасибо за все, что вы делаете».

– В кино сниматься еще не надумали?

– Собственно, я не хочу, но мне приходится это делать. Ко мне обращаются друзья и про- сят. Недавно прислал сценарий один милейший человек из Пи- тера, из мастерской Германа. Фильм показался мне глубоким, и я сыграл там подонка одного. Витя Мережко уговорил сняться в эпизоде в сериале. Меня это не очень забавляет. Это важно тем, кто любит мозолить глаза. Глупо пытаться добиться славы, пока еще жив Пол Маккартни, глупо пытаться заработать де- нег, пока еще жив Билл Гейтс. Глупо сниматься в кино, не будучи актером.

– Вы циник?

– Конечно, обязательно, как любой анархист. Если под ци- низмом понимать способность